

DOI: 10.31857/S086919080016116-4

## «ФРАНЦУЗСКИЙ ФАКТОР» В РАЗВИТИИ ЧАНАКСКОГО КРИЗИСА (СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ 1922 г.)

© 2022

И.Э. МАГАДЕЕВ<sup>а</sup>

<sup>а</sup> – Московский государственный институт (университет)  
международных отношений, Москва, Россия  
ORCID: 0000-0002-6521-2202; iskander2017@yandex.ru

**Резюме:** Столетие событий Чанакского кризиса, сыгравшего важную роль в развитии Кемалистской революции и международной ситуации на Ближнем Востоке, стимулирует к осмыслению ряда его аспектов, которые оставались ранее «в тени». Если в историографии основной акцент сделан на анализе взаимодействия Великобритании и кемалистов, то цель данной статьи – выявить роль «французского фактора» в развитии кризиса. Под данным «фактором» подразумеваются как конкретные действия дипломатии Франции, так и их восприятие другими участниками событий сентября – октября 1922 г. Источниками для статьи послужили опубликованные французские дипломатические документы, архивные материалы Исторической службы Министерства вооруженных сил Франции, а также такой ценный, но почти не использовавшийся пока в отечественной историографии источник, как дневник начальника Генштаба французской армии в 1920–1923 гг. генерала Э. Бюа. Для оценки англо-французского взаимодействия в условиях кризиса были также привлечены документы Национального архива Великобритании из фондов Кабинета министров и МИД. В результате проведенного исследования автор пришел к выводу о двойственном воздействии «французского фактора» на развитие Чанакского кризиса. С одной стороны, дипломатия председателя Совета министров и министра иностранных дел Франции Р. Пуанкаре, стремившегося избежать перерастания кризиса в войну и выполнить своего рода посреднические функции между британцами и кемалистами, достигла определенных результатов и поспособствовала согласию Анкары на переговоры о перемирии. С другой стороны, стремление Пуанкаре «усидеть на двух стульях», поддерживая дружественные отношения как с Анкарой, так и Лондоном, оказалось трудно-реализуемым. М. Кемаль и британский министр иностранных дел Дж. Керзон, занявшие более ясную, хотя и конфронтационную позицию, оказались в итоге в большем выигрыше, чем Пуанкаре, надеявшийся на тонкое дипломатическое маневрирование.

**Ключевые слова:** Чанакский кризис, Франция, Турция, международные отношения, Кемаль, Пуанкаре.

**Для цитирования:** Магадеев И.Э. «Французский фактор» в развитии Чанакского кризиса (сентябрь – октябрь 1922 г.). *Восток (Orient)*. 2022. № 1. С. 66–77. DOI: 10.31857/S086919080016116-4

## “FRENCH FACTOR” AND DYNAMICS OF THE CHANAK CRISIS (SEPTEMBER–OCTOBER 1922)

© 2022

Iskander E. MAGADEEV<sup>a</sup>

<sup>a</sup> – Moscow State Institute (University) of International Relations  
ORCID: 0000-0002-6521-2202; iskander2017@yandex.ru

**Abstract:** *The centenary of the Chanak crisis, which played significant role in the development of the Kemalist revolution and in the international transformations in the Asia Minor and the Near East, stimulates to analyse its underresearched aspects. The article aims to demonstrate the role of the “French factor” during the crisis. This “factor” is conceived as the actions of the French diplomacy, but also as their perception by the other international actors in September–October 1922. The author bases his conclusions on the evidence taken from the published French diplomatic documents and the archival materials of the French Ministry’s of the armed forces historical services. The documents taken from the National archives of the Great Britain were used in order to analyse the Anglo-French relations. The author concludes that the impact of the “French factor” during the crisis was ambivalent. At the one hand, R. Poincaré, French Prime Minister and Minister for foreign affairs, who aimed to exclude the growth of the Chanak crisis into the war and to make Paris the mediator between the British and the Kemalists, achieved some results and contributed to Ankara’s consent to the armistice negotiations. At the other hand, the desire of Poincaré to “sit on two chairs” and to develop the friendly relations with both Ankara and London was difficult to realise. By taking clearer though confrontational position, M. Kemal and British Secretary of State for foreign affairs G. Curzon gained more than Poincaré who hoped to effectuate more subtle diplomatic maneuvering.*

**Keywords:** Chanak crisis, France, Turkey, international relations, Kemal, Poincaré.

**For citation:** Magadeev I.E. “French Factor” and Dynamics of the Chanak Crisis (September–October 1922). *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 1. Pp. 66–77. DOI: 10.31857/S086919080016116-4

### ВВЕДЕНИЕ

Чанакский кризис, ставший вехой в развитии Кемалистской революции в Турции, оказал в целом большое влияние на международную ситуацию на Ближнем Востоке в 1922 г. Прологом для заключения Муданийского перемирия (11 октября 1922 г.) стали события сентября–октября этого года, когда кемалистские войска, одержавшие решительную победу над греческой армией в сражениях у Афьон-Карахисара и при Думлупынаре (26–30 августа) и занявшие Смирну (Измир, 9 сентября), оказались практически лицом к лицу с британскими частями вблизи г. Чанак (Чанаккале). Перемирие же открыло путь к Лозаннской конференции [Шамсутдинов, 1966, с. 276–284; Киреев, 2007, с. 146–148].

При анализе международного значения Чанакского кризиса исследователи, как правило, обращали внимание преимущественно на взаимоотношения британских властей и кемалистов [Миллер, 1983, с. 208–221; Ferris, 2003; Фомин, 2010, с. 375–386; Аноп, 2013]. Это обстоятельство вполне понятно: Великобритания была главной западной державой, поддержавшей Грецию в ходе греко-турецкой войны 1919–1922 гг., и именно она оказалась перед угрозой вооруженного конфликта с Турцией в ходе Чанакского кризиса.

Анализу французских действий в этом конфликте исследователи уделяли меньше внимания. Значимость «французского фактора» в Чанакском кризисе отмечалась лишь в некоторых обобщающих работах, посвященных отношениям Парижа и кемалистов [La Turquie et la France, 1981] или англо-французскому взаимодействию [Thomas, Toye, 2017, p. 122–153]. Вместе с тем роль действий Франции в условиях этого кризиса не стоит сбрасывать со счетов. Уже после заключения Анкарского договора с турецкими националистами от 20 октября 1921 г. Третья Республика рассматривалась в Лондоне как западное государство, наладившее намного более тесные связи с Кемалем, чем Великобритания. Согласно договору, между Францией и кемалистской Турцией прекращались военные действия, предусматривалась эвакуация французских войск из Киликии, был урегулирован ряд территориальных и экономических вопросов [DDF, 2005, p. 430–432]. Анкарское соглашение вызвало обеспокоенность не только в Лондоне, но и в Москве, где опасались того, что Париж своим сближением с Кемалем ослабит советско-турецкие связи [Турция: рождение национального государства, 2007, с. 124–125].

Цель статьи – выявить роль внешнеполитических действий Парижа в развитии Чанакского кризиса и оценить его влияние на итоги этих событий. Важными представляются не только те или иные шаги властей Франции, но и ставка, которую делали на них другие политические игроки (прежде всего, Великобритания и кемалисты). В связи с этим автор считает необходимым рассмотреть вопрос о «французском факторе» более детально. А столетие событий Чанакского кризиса служит дополнительным обстоятельством, повышающим интерес к анализу его малоизученных аспектов.

Источниковой базой для данной статьи послужили сравнительно недавно опубликованные французские дипломатические документы [DDF, 2008], архивные материалы Исторической службы Министерства вооруженных сил Франции [SHD/DAT, 7N 2794], а также дневник начальника Генштаба французской армии в 1920–1923 гг., генерала Э. Бюа [Journal du général Buat, 2015]. Для оценки англо-французского взаимодействия были использованы документы Национального архива Великобритании из фондов Кабинета министров [TNA, CAB 23/31, 23/39, 63/32] и МИД [TNA, FO 800/150; 800/253].

## ПРОТИВОРЕЧИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВО: АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ 9–23 СЕНТЯБРЯ

Взятие Смирны стало одним из ключевых событий греко-турецкой войны. Кемалистские войска вошли в город, занятие которого греческой армией в мае 1919 г. положило начало самой войне, и теперь они все ближе подходили к Константинополю и «нейтральной зоне», установленной Севрским мирным договором (ст. 178–180) и демаркационной «линией Мильна» 1921 г. Несмотря на резню греческого и армянского населения в Смирне, на пожары и грабежи в самом городе, французские представители избегали подвергать резкой критике действия Кемалю.

Командующий легкой эскадрой в составе французских военно-морских сил Восточного Средиземноморья контр-адмирал Ш.-А. Дюмениль во время встречи с турецким лидером, состоявшейся в Смирне 15 сентября, фактически снял с кемалистов ответственность за разгоревшийся в городе двумя днями ранее катастрофический пожар [DDF, 2008, p. 275–277]. Единственное, что по-настоящему беспокоило контр-адмирала – это безопасность французских граждан, для защиты которых в Смирне были высажены французские моряки [DDF, 2008, p. 241]. Позднее, во время встречи с британским министром иностранных дел Дж. Керзоном в Париже 6 октября, председатель Совета министров и министр иностранных дел Франции Р. Пуанкаре фактически солидаризировался с Дюменилем в оценке турецких

действий в Смирне [DDF, 2008, р. 387]. Вместе с тем посольство Третьей Республики в Афинах, опираясь на информацию французских беженцев, опровергало сведения контр-адмирала и винило в пожаре именно кемалистов [DDF, 2008, р. 280].

На фоне обострения обстановки вокруг Чанака Франция и Италия, «союзники» Великобритании по Антанте, заняли крайне неоднозначную позицию. С одной стороны, они поддержали Лондон и 11 сентября обратились к Кемалю с трехсторонней нотой, содержащей требование не вступать в «нейтральную зону» [Шамсутдинов, 1966, с. 279]. Через день французские и итальянские части усилили британский гарнизон в Чанаке [Миллер, 1983, с. 213], а в ноте от 14 сентября Париж вновь заверил в Лондон в согласии относительно «нейтральной зоны» [DDF, 2008, р. 423–424]. С другой стороны, уже 14 сентября на фоне обострения международной обстановки Пуанкаре задумался о выводе французских частей из Чанака. Резкое британское коммюнике от 15 сентября, в котором Лондон заявил о готовности применить силу в случае продвижения турецких войск к Проливам, укрепило Пуанкаре в подобном настрое, который и был реализован 19 сентября [DDF, 2008, р. 424].

Вывод французских войск из Чанака обозначил нежелание Парижа быть втянутым в возможные столкновения между британцами и кемалистами. Во время беседы с Керзоном, состоявшейся в Париже 20 сентября, Пуанкаре даже говорил о том, что присутствие французских частей в Чанаке и на Исмидском (Измитском) полуострове не было изначально санкционировано французским правительством, а стало результатом действий генерала М. Пелле, французского Верховного комиссара в Константинополе [DDF, 2008, р. 304]. Вместе с тем правительство Франции в ноте от 18 сентября в очередной раз солидаризовалось с британцами в необходимости обеспечить «свободу Проливов» [Миллер, 1983, с. 214–215]. Сохранение войск Антанты в Константинополе и на прилегающих территориях, а также соблюдение кемалистами «нейтральной зоны» во многом являлись необходимыми условиями для реализации этого требования.

Уход французов из Чанака был воспринят британцами резко негативно. 18 сентября на заседании Кабинета министров Великобритании военный министр Л. Уоррингтон-Эванс подчеркнул, что «все наши планы вплоть до сегодняшнего дня основывались на том, что французские войска будут взаимодействовать с нами при обороне Галлиполийского полуострова» [TNA, CAB 23/39, fol. 257]. Наиболее известным эпизодом, связанным с тогдашними англо-французскими противоречиями, стала встреча Керзона и Пуанкаре 22 сентября в Париже. После слов британского министра об уходе из Чанака как о «предательстве со стороны Франции» Пуанкаре разразился 15-минутной тирадой, по окончании которой Керзон вышел из зала и начал размышлять о том, чтобы вовсе уехать из Парижа [Аноп, 2013, с. 166]. По словам сотрудника Центрального департамента МИД Великобритании Л. Олифанта, Пуанкаре «вел себя как сумасшедший» [TNA, FO 800/253, fol. 132].

Однако в этих эмоциональных описаниях теряется главное: Пуанкаре, не желая идти на конфликт с кемалистами и рассчитывая сохранить с ними рабочее взаимодействие, которое должно было пригодиться Франции на мирной конференции, отнюдь не собирался порывать с Великобританией. Он надеялся совместить преимущества и от сотрудничества с Кемалем, и от поддержания солидарности с Лондоном по ряду вопросов. Более того, совместные англо-французские действия были необходимы хотя бы для того, чтобы убедить Кемалю сесть за стол переговоров о заключении перемирия. При встрече с Керзоном 20 сентября Пуанкаре настаивал на том, что сложившаяся ситуация взрывоопасна, а кемалистская армия всерьез намерена прорваться к Константинополю. Он призывал к скорейшему началу переговоров на выгодных для кемалистов условиях (демаркационная линия по р. Марице с сохранением Адрианополя (Эдирне) за турками) и подчеркивал, что «французское правительство в настоящий момент не считает возможным использовать

против Турции силу» [DDF, 2008, р. 302–303, 309]. Во внутренней французской переписке с дипломатами Пуанкаре неоднократно подчеркивал, ссылаясь на мнение французских военных, что оборона Чанака – дело безнадежное [DDF, 2008, р. 313, 425].

В Париже были довольны результатами переговоров с Керзоном и итальянским послом К. Сфорца, главным итогом которых стала совместная нота трех стран Антанты от 23 сентября. От Кемаля требовали отказаться от вступления в «нейтральную зону», дать согласие на присутствие западных войск в Константинополе и зоне Проливов до вступления мирного договора в силу, начать переговоры о перемирии. В обмен ему были предложены выгодные условия по Восточной Фракии [DDF, 2008, р. 322–323]. 23 сентября Бюа записал в своем дневнике: «Дипломатический успех Франции внушитель. Безусловно, это самый крупный наш успех на протяжении долгого времени» [Journal du général Buat, 2015, р. 1249].

Несмотря на свою эмоциональную реакцию во время встречи с Пуанкаре, Керзон также полагал, что парижский визит увенчался успехом. Даже месяц спустя он подчеркивал в одном из частных писем «невозможность найти какое-либо решение ближневосточного вопроса без сотрудничества с Францией» [TNA, FO 800/150, fol. 282]. Пуанкаре также осознавал заинтересованность Лондона в том, чтобы Париж склонил Кемаля к переговорам [DDF, 2008, р. 425]. Согласно британской информации, даже вывод французских частей из Чанака не имел кардинального значения, поскольку они продолжали находиться на Исмидском полуострове [TNA, CAB 63/32, fol. 141].

Однако французские резоны заключались не только в том, чтобы оказать британцам поддержку. 28 сентября Пелле, размышляя о возможном выводе французского батальона из Галлиполи, рекомендовал Пуанкаре не делать этого, поскольку он не хотел допустить «исключительного контроля британского командования над Дарданеллами» [DDF, 2008, р. 340]. Британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж хорошо осознавал подобные опасения французов и рассчитывал сыграть на них: «Французы боятся того, что мы сделаем из него (Галлиполи. – И.М.) второй Гибралтар, и это опасение склонит их к сотрудничеству с нами» – говорил он на заседании Кабинета министров 18 сентября [TNA, CAB 23/39, fol. 257–258].

## ПОСРЕДНИЧЕСКИЕ УСИЛИЯ ДИПЛОМАТОВ И ПОЗИЦИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЕННЫХ

Оптимизм Керзона после его визита в Париж не был беспочвенен. Через различные каналы связи французская дипломатия стремилась убедить Кемаля сесть за стол переговоров. 15 сентября Дюмениль предостерегал Кемаля от дальнейшего продвижения к Проливам, подчеркивая, что французы не желают «отделять себя» от «английских и итальянских союзников» [DDF, 2008, р. 277]. О том, что Анкара не должна забывать об «отношениях, существующих в настоящее время между Францией и Британией», 23 сентября в Париже турецкому представителю Ферид-бею говорил Ж. Ларош, заместитель главы управления политических и торговых дел МИД Третьей Республики [Ferris, 2003, р. 170].

Намекая 15 сентября на желательность отправки Кемалем приглашения Пелле для переговоров, Дюмениль поспособствовал встрече французского Верховного комиссара с лидером турецких националистов, состоявшейся в Смирне через три дня (официально Пелле был отправлен оценить масштаб ущерба, нанесенного французским интересам в этом городе) [DDF, 2008, р. 280]. Во время встречи Пелле убеждал Кемаля не продвигаться в «нейтральную зону», законность которой его собеседник, однако, не признавал [Миллер, 1983, с. 216]. Несмотря на это, французский Высокий комиссар сохранил протурецкий настрой, критикуя в своей телеграмме, отправленной в Париж 29 сентября, усиление гре-

ческих войск во Фракии при содействии британских властей в Константинополе. Опираясь на эти сведения, Пуанкаре через день инструктировал французских дипломатических представителей в Лондоне, Риме и Афинах организовать совместное давление на Грецию и зафиксировать р. Марицу в качестве линии отступления греческой армии [DDF, 2008, р. 348–349]. Еще раньше, в телеграмме от 5 сентября, Пелле призывал Париж не пытаться выступить посредником между Кемалем и греками, дабы не компрометировать «прекрасное положение дел, которые существуют у нас, единственных из союзников, в отношениях с турецкими националистами» [DDF, 2008, р. 236].

Лондон был хорошо осведомлен о контактах французов с кемалистами, в т.ч. благодаря расшифровке турецких дипломатических телеграмм британской разведкой [Jeffery, Sharp, 1987]. На заседании Кабинета министров 25 сентября Керзон отметил: «Кемаль-паша поддерживает постоянную связь с генералом Пелле. Он (Керзон. – И.М.) не думает, что Мустафа Кемаль собирается предпринимать наступление против Константинополя, так как французы твердо настроены против этого и используют все свое влияние, чтобы он занял более умеренную позицию» [TNA, CAB 23/31, fol. 96]. Де-факто Керзон стремился использовать французское посредничество, дабы усадить кемалистов за стол переговоров, прекрасно понимая при этом, что «когда конференция будет созвана, по всем вопросам нам будут противостоять Франция и Италия» [TNA, CAB 23/31, fol. 102].

Позицию Пуанкаре, настроенного на «умиротворение» Кемалья, разделяли отнюдь не все французские военные и политики. Президент А. Мильеран 11 и 17 сентября призывал Пуанкаре в одностороннем порядке заявить о французской позиции по ключевым аспектам будущего мирного урегулирования (режим Проливов, принадлежность Восточной Фракии и др.), дабы перехватить у британцев дипломатическую инициативу [DDF, 2008, р. 249–250]. Эти демарши привели 18 сентября к отправке в Лондон французской ноты. В ней говорилось о том, что Франция «абсолютно согласна» с обеспечением в будущем «свободы Проливов», но расходится с Великобританией в вопросе «о подходящих для осуществления этого мерах» и опасается «влияния британской политики на мусульманский мир» [Миллер, 1983, с. 215].

Если Мильеран критиковал Пуанкаре за недостаточную самостоятельность в отношении Лондона, то Бюа и маршал Ф. Фош, глава Союзного военного комитета в Версале, считали неправильным отсутствие англо-французской солидарности. Они всерьез опасались того, что войска кемалистов могут попытаться прорваться к Константинополю, а затем выйти на Балканы. 20 сентября Фош говорил Бюа о том, что «в Малой Азии начался пожар, и его необходимо локализовать. Ни за что на свете мы не должны позволить пожару перекинуться в Европу, в противном случае воспламениться уже сама Европа. Турки, очутившись в Восточной Фракии, захотят проникнуть в Западную. Тогда в игру вступят сербы, а болгары перейдут на турецкую сторону; как следствие, румыны также придут в движение, а затем и Советы, которые, по всей видимости, имеют договор с кемалистами. Появление на сцене России потянет за собой Польшу в силу польско-румынского соглашения. И где остановится это движение?». Дабы не допустить подобной ситуации, Фош заявлял о необходимости предупредить Кемалья, чтобы его войска ни в коем случае не пересекали Проливы; в противном случае «мы выступим против него вместе с англичанами» [Journal du général Buat, 2015, р. 1243].

В письме, которое Бюа отправил военному атташе Франции в Великобритании генералу А. де ля Панузу 23 сентября, начальник Генштаба французской армии солидаризировался с Фошем, даже ужесточив ряд его формулировок. Речь теперь шла об «очевидной договоренности» между СССР и Турцией, а также о том, что «пожар» эвентуальной войны пойдет еще дальше, не оставив незатронутыми не только Балканы и Восток Европейского конти-

нента, но и Центральную Европу, где Венгрия могла напасть на Чехословакию [*Journal du général Buat*, 2015, p. 1248]. В ноябре де ля Пануз продолжал убеждать Париж поддержать британцев в случае осложнения ситуации в зоне Проливов [*SHD/DAT*, 7N 2794].

Пуанкаре не отрицал возможных рисков, но считал, что французские власти должны не противостоять Кемалю, а смягчить позицию последнего и в любом случае не допустить того, чтобы Франция была втянута в вооруженный конфликт. Не исключено, что дополнительным фактором выступало то, что осенью 1922 г. Пуанкаре больше думал о будущей оккупации германского Рура (началась в январе 1923 г.), чем о Ближнем Востоке.

### НОВЫЙ ВИТОК КРИЗИСА И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ (23 СЕНТЯБРЯ – 3 ОКТЯБРЯ)

Нота Антанты от 23 сентября не остановила процесса массирования британских и турецких войск в районе Чанака. В Лондоне всерьез готовились к возможному конфликту. «... к 30 сентября, когда, как считается, турки предпримут наступление, (командующий британскими войсками в Турции генерал Ч.) Гаррингтон будет располагать достаточно неплохими силами. (Начальник Имперского Генштаба) лорд Кэван весьма оптимистично смотрит на ситуацию», – писал секретарь Кабинета министров М. Хэнки 24 сентября [*TNA, CAB 63/32, fol. 149–150*]. В Лондоне всерьез готовились к возможной войне и против Советской России, рассматривавшейся в качестве союзницы Турции [Сергеев, 2019, с. 420].

29 сентября британский Кабинет министров принял решение о том, что Гаррингтон должен потребовать от кемалистов покинуть «нейтральную зону». В случае невыполнения требования следовало открыть огонь [*TNA, CAB 23/31, fol. 133*]. Решение Гаррингтона не начинать реальных боевых действий, хотя он и потребовал отвода турецких войск, спасло участников «от трагической развязки» [Фомин, 2010, с. 382].

Пуанкаре, напротив, сделал очевидную ставку на «умиротворение» Кемалья. Французские попытки повлиять на позицию лидера турецких националистов не ограничились визитами Дюмениля и Пелле в Смирну, а также контактами с Ферид-беем в Париже. Другими важными связными выступали французские деятели, пользовавшиеся репутацией еще больших туркофилов. Речь, прежде всего, шла о сенаторе А. Франклен-Буйоне, согласовавшем в свое время Анкарский договор с кемалистским министром иностранных дел Юсуф Кемаль-беем, а также о полковнике (позднее – генерале) Л. Мужене, военном представителе Франции при Кемале в Анкаре. В августе 1922 г. Мужен даже предлагал использовать порт Александретта (Искендерун), находившийся на территории сирийского мандата Франции, для отправки вооружений кемалистам, однако натолкнулся на негативную реакцию Пуанкаре [Thomas, Тоуе, 2017, p. 153]. При этом сам факт поставок французами оружия и боеприпасов Кемалю не был секретом для британцев [*TNA, CAB 23/39, fol. 259*].

Переговоры Франклен-Буйона с Кемалем в Смирне (28–29 сентября), которым поспособствовал Пелле, сыграли немаловажную роль на пути выхода из Чанаковского кризиса. 27 сентября Пуанкаре инструктировал сенатора, что ключевая цель его миссии – получить согласие Кемалья на переговоры по перемирию. При этом Франклен-Буйон не должен был допустить, чтобы у турецкого лидера сложилось впечатление о наличии противоречий между странами Антанты [*DDF*, 2008, p. 335–336].

Франклен-Буйон убеждал Кемалья, что его миссия осуществляется «с согласия британского и итальянского правительств» [Кемаль, 1934, с. 93], а Пуанкаре в телеграмме в Лондон и Рим от 30 сентября и вовсе подчеркивал, что миссия была отправлена «по запросу британского правительства» [*DDF*, 2008, p. 346]. Лидер турецких националистов отнесся к визиту сенатора-туркофила с большим вниманием. По прибытии в Смирну, как сообщал

Франклен-Буйон в телеграмме, отправленной в Париж 29 сентября, он имел 4-часовую беседу с Кемалем, предложившим ему вместе отправиться в Анкару, дабы убедить Великое национальное собрание в необходимости выхода из кризиса (в итоге от поездки отказались) [DDF, 2008, р. 350].

Перед французскими властями Франклен-Буйон рисовал сложившуюся ситуацию в выгодном для Кемаля свете, критикуя британцев за наращивание сил близ Чанака и полагая, что лидер турецких националистов, желая мира, наталкивается на позицию более жестко настроенных министров и военных в своем окружении. Сенатор, намекая на возможность начала реальных боевых действий, фактически призывал Пуанкаре принять требования кемалистов, отказаться от «обсуждения границ “нейтральной зоны”» и не настаивать на выводе турецких войск из некоторых ее пунктов [DDF, 2008, р. 346–347]. Пуанкаре, отвечая Франклен-Буйону 30 сентября, выражал недовольство чрезмерной уступчивостью сенатора, однако главной целью для председателя Совета министров Франции была необходимость усадить британцев и кемалистов за стол переговоров [DDF, 2008, р. 351].

В телеграмме, полученной в Париже 1 октября, Франклен-Буйон докладывал об успехе: «... Мустафа Кемаль приказал немедленно остановить войска и закрепить их на тех позициях, на которых они находились в момент моего приезда, при условии, что англичане остановят прибытие подкреплений и создание траншейных укреплений (близ Чанака. – И.М.)» [DDF, 2008, р. 349]. При этом Лондон еще 27 сентября инструктировал Гаррингтона не наращивать численность войск на Галлиполийском полуострове или в Константинополе, «если Мустафа Кемаль в свою очередь обязуется не пересекать границы нейтральной зоны в районе Исмида или Чанака» [TNA, CAB 63/32, fol. 159]. С точки зрения Франклен-Буйона, решающим для успеха его миссии стало воздействие, оказанное Кемалем, «который, безусловно, стремится к миру», на собственных генералов, уже готовых-де перейти в наступление на Чанак и Константинополь [DDF, 2008, р. 349]. Нотой от 29 сентября Кемаль выразил согласие начать переговоры о перемирии, получив выгодные условия по Восточной Фракии и согласившись взамен на временное присутствие войск Антанты в Константинополе и зоне Проливов [Кемаль, 1934, с. 94].

Ряд исследователей, отчасти солидаризуясь с Франклен-Буйоном, подчеркивают значение его миссии для снижения напряженности в ходе Чанаковского кризиса [Шамсутдинов, 1966, с. 283; Миллер, 1983, с. 219; Shaw, 2000, р. 1771–1772; Киреев, 2007, с. 148; Фомин, 2010, с. 381]. Другие авторы считают решающими британские действия – предупреждение о том, что турки должны либо начать переговоры, либо войну, которое эмиссарам Кемаля в Константинополе сделал Гаррингтон, а также давление Керзона на Нихад Рашида, представителя Кемаля в Лондоне, которому Керзон рассказал о британском ультиматуме от 29 сентября [Ferris, 2003, р. 176–179]. Существует точка зрения о том, что «Кемаль не нуждался в аргументах Франклен-Буйона, чтобы принять приглашение от 23 сентября о переговорах. Действия Кемаля, а также пауза в согласии встретиться с генералами союзных стран в Муданье объясняются главным образом необходимостью сделать жест в пользу экстремистов в его собственном лагере... Он также хотел проверить решимость стран-союзниц и улучшить свои военные позиции перед началом переговоров...» [Psomiades, 1997, р. 223].

Одним из ключевых факторов успеха миссии Франклен-Буйона стало выражение им согласия на немедленный вывод греческих войск из Восточной Фракии до линии р. Марицы. Некоторые исследователи считают, что этим шагом сенатор превысил свои полномочия и «предложил туркам больше, чем Британия и даже, возможно, Франция были готовы дать» [Psomiades, 1997, р. 223]. Эту мысль стоит, однако, уточнить. С принципиальной точки зрения, британцы и французы понимали, что Восточная Фракия вернется Турции. Британский Высокий комиссар в Константинополе Г. Рамболд еще 26 сентября отмечал в одном из

частных писем: «В нынешних условиях возвращение Восточной Фракии и Адрианополя Турции неизбежно» [*TNA, FO 800/253, fol. 135*]. В телеграмме от 28 сентября, которую Пуанкаре отправил французским послам в Лондон и Рим, подчеркивалось, что, с точки зрения Парижа, необходимо согласиться на полный, немедленный, но контролируемый вывод греческих войск, «как минимум, до р. Марицы». Французские власти не возражали против установления в Восточной Фракии турецкой гражданской администрации, присутствия турецкой жандармерии, впрочем, при условии осуществления контроля со стороны офицеров стран-союзниц и присутствия союзных войск [*DDF, 2008, p. 351*]. Последнему Пуанкаре и Пелле придавали серьезное значение с психологической и дипломатической точек зрения. Намекнув во время бесед с Кемалем на возможность немедленного занятия Восточной Фракии турецкими силами после вывода греческой армии, Франклен-Буйон фактически превысил данные ему полномочия [*DDF, 2008, p. 350, 370*].

### ОПАСЕНИЯ ПАРИЖА НА ФОНЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА (3–11 ОКТЯБРЯ)

Данное Кемалем согласие (29 сентября) прекратить перемещение войск и начать переговоры в Муданье нередко рассматривается как «прорыв» в разрешении Чанаковского кризиса [*Thomas, Toye, 2017, p. 151*]. Вместе с тем опасения, характерные для наиболее острой фазы кризиса, сохранялись и во время конференции в Муданье, начавшейся 3 октября, а затем – и в период Лозаннской конференции. Преемственность задач была характерна и для французской дипломатии, настроенной на то, чтобы избежать войны за счет уступок Анкаре по военно-политическим вопросам. По финансово-экономическим проблемам, в которых Франция была заинтересована в наибольшей степени, Париж надеялся на уступки уже со стороны кемалистов. Однако еще до начала Лозаннской конференции появились признаки того, что эти надежды могут не оправдаться [*TNA, FO 800/253, fol. 154*].

Во время встречи с Керзоном, состоявшейся 6 октября в Париже, Пуанкаре опасался того, что, «если возобновится война с турками, фактически это будет война также против России и Болгарии». «Г-н Пуанкаре не знает, чего хочет Англия, – значилось далее в записи беседы, – но он знает, что Франция не желает подобного развития событий, и она пойдет на все необходимые уступки, дабы избежать этого несчастья» [*DDF, 2008, p. 379*].

Тревога Пуанкаре, как и сам экстренный визит Керзона, были связаны с кризисом переговоров в Муданье. Ситуация сентябрьского вояжа Керзона во многом повторилась, пусть и в менее эмоциональной форме. На фоне турецкого давления Париж стремился «умиротворить» Кемалю, что негативно воспринималось Лондоном. 5 октября командующий Западным фронтом турецкой армии генерал Исмет-паша потребовал в Муданье закрепить условие о немедленном выводе греческих и союзных войск из Восточной Фракии и об установлении там кемалистской администрации, а также ряд дополнительных условий (неограниченное количество турецкой жандармерии в Восточной Фракии, занятие турецкими войсками фортов на правом берегу р. Марицы и др.) [*DDF, 2008, p. 376*]. В случае, если эти требования не будут реализованы до 14:30 часов 7 октября, Исмет-паша угрожал переходом его войск в наступление на Чанак.

Французский представитель на переговорах в Муданье генерал Ш. Шарпи 5 октября готов был согласиться на турецкие условия после заверений Франклен-Буйона о том, что французское правительство уже приняло их [*DDF, 2008, p. 368*]. Керзон, видевший в «солидарности между союзниками» лучший способ заставить кемалистов пойти на перемирие, был недоволен позицией Пуанкаре, считая своего собеседника плохо информированным о серьезности ситуации [*DDF, 2008, p. 374, 385*]. Пуанкаре действительно не получал полной

информации о переговорах в Муданье, за что позднее он выговаривал Пелле [DDF, 2008, р. 388], но ключевой вопрос был в другом. Председатель Совета министров Франции санкционировал действия Шарпи, однако он был недоволен ультиматумом кемалистов, вновь поставившим ситуацию на грань войны. Более того, Пуанкаре опасался того, что если конфликт начнется, то британцы переложат немалую часть вины за его начало на уступчивость французской стороны [DDF, 2008, р. 370]. При этом Париж рисковал рассориться и с Анкарой. Как следовало из телеграммы Мужена от 6 октября из Анкары, отправленной по результатам беседы с Кемалем, последний был недоволен ситуацией и винил французов в том, что он «потерял 15 дней, доверившись вам» [Psomiades, 1997, р. 230].

Одной из главных мишеней британского недовольства в эти дни стал Франклен-Буйон, «принц Левантийский», как желчно называл его Рамболд, намекая на высокомерие сенатора и его влияние на ближневосточную политику Франции [TNA, FO 800/253, fol. 136]. Рамболд и Гаррингтон выступали резко против того, чтобы французский сенатор, находившийся в Муданье с 3 октября, имел какой-либо официальный статус в качестве представителя Франции [TNA, FO 800/253, fol. 136]. 6 октября Керзон выразил Пуанкаре свое недоумение в связи с присутствием Франклен-Буйона в Муданье (в частном порядке) и полагал, что действия сенатора не способствуют достижению компромисса с кемалистами [DDF, 2008, р. 375]. Франклен-Буйон, курсировавший в Муданье между Исмет-пашой и Шарпи, действительно склонял французского генерала к большей уступчивости, одновременно надеясь убедить турецкого военачальника увеличить сроки ультиматума [DDF, 2008, р. 368]. В телеграмме от 7 октября Пуанкаре мягко одергивал сенатора: «Не позволяйте туркам быть уверенными в том, что мы поддержим любые их требования» [DDF, 2008, р. 388].

В Париже Керзону удалось добиться лишь некоторых уступок, позволивших сохранить лицо: греческие войска должны были отступить на правый берег р. Марицы в течение 15 дней, а союзные войска – оставаться в Восточной Фракии еще 30 дней после ухода греков [Psomiades, 1997, р. 231]. На таких условиях Шарпи следовало солидаризироваться с Гаррингтоном и итальянским представителем, генералом Э. Момбелли, возобновив переговоры в Муданье. Хотя ситуация в зоне Проливов вновь находилась в эти дни на грани конфликта, 11 октября турецкая делегация все же согласилась на условия перемирия, предложенные союзниками [Кемаль, 1934, с. 312–313].

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Британские историки М. Томас и Р. Тойи полагают, что в своей ближневосточной политике Пуанкаре оказался успешнее, нежели в германской, хотя именно последней он отдавал приоритет [Thomas, Тоуе, 2017, р. 154]. Многие современники этих событий, впрочем, были настроены более критично. В Муданийском перемирии Бюа видел прежде всего успех британцев. 11 октября 1922 г. французский генерал, опираясь на популярный стереотип о том, что «восточные народы» понимают только силу, полагал, что британцы, продемонстрировавшие уверенность в себе, «получат все преимущества», а французам не стоит ждать от кемалистов «никакой признательности» [Journal du général Buat, 2015, р. 1260]. События Лозаннской конференции, в ходе которой кемалисты заняли твердую позицию по ключевым для Франции финансово-экономическим вопросам, в немалой степени подтвердили скепсис Бюа.

Однако французская дипломатия в условиях Чанакского кризиса достигла и определенных успехов. Многие из поставленных Пуанкаре задач (например, недопущение войны и осуществление посредничества между британцами и кемалистами с целью начала переговоров) были достигнуты. Вместе с тем стремление Пуанкаре «усидеть на двух стульях»,

поддерживая дружественные отношения с Анкарой и Лондоном, оказалось труднореализуемым. Кемаль и Керзон, занявшие более ясную, хотя и конфронтационную позицию, оказались в итоге в большем выигрыше, чем Пуанкаре, надеявшийся на тонкое дипломатическое маневрирование. Поспособствовав началу мирных переговоров с Кемалем, французская дипломатия тем не менее не получила от них тех дивидендов, на которые она изначально рассчитывала.

## СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

*CAB* – Cabinet Office.

*DDF* – Documents diplomatiques français 1920–1932.

*FO* – Foreign Office.

*SHD/DAT* – Service historique de la défense / Département de l'armée de terre.

*TNA* – The National Archives of Great Britain.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аноп А.Ф. Провал британской политики в Греко-турецкой войне 1919–1922 гг. *Вестник Томского государственного университета*. История. 2013. № 1(21). С. 162–170 [Anop A.F. The Failure of the British Policy in the Greek-Turkish War of 1919–1922. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. History. 2013. No. 1(21). Pp. 162–170 (in Russian)].

Кемаль М. *Путь новой Турции 1919–1927*. Т. 4. М., 1934 [Kemal M. *The Path of the New Turkey 1919–1927*. Vol. 4. Moscow, 1934 (in Russian)].

Киреев Н.Г. *История Турции. XX век*. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2007 [Kireev N.G. *History of Turkey. XX century*. Moscow: IOS RAS, Kraft+, 2007 (in Russian)].

Миллер А.Ф. *Турция: Актуальные проблемы новой и новейшей истории*. М.: Наука, 1983 [Miller A.F. *Turkey: Topical Problems of Modern and Contemporary History*. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].

Сергеев Е.Ю. *Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию*. СПб.: Наука, 2019 [Sergeev E.Yu. *The Bolsheviks and the British. Soviet-British Relations, 1918–1924: from Intervention to Recognition*. St. Petersburg: Nauka, 2019 (in Russian)].

Турция: рождение национального государства. 1918–1923 (По документам РГАСПИ). Сост. Н.Б. Шувалова. М.: Гуманитарий, 2007 [Turkey: the Birth of the Nation State. 1918–1923 (Documents from RGASPI). Compl. N.B. Shuvalova. Moscow: Gumanitarii, 2007 (in Russian)].

Фомин А.М. *Война с продолжением: Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918–1923*. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010 [Fomin A.M. *War with Prolongation. Great Britain and France Struggling for the “Ottoman Heritage”, 1918–1923*. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2010 (in Russian)].

Шамсутдинов А.М. *Национально-освободительная борьба в Турции. 1918–1923 гг.* М.: Наука, 1966 [Shamsutdinov A.M. *National Liberation Struggle in Turkey. 1918–1923*. Moscow: Nauka, 1966 (in Russian)].

Cabinet Conclusions 51 (22), 25 September 1922. *TNA, CAB 23/31*, fol. 93–105.

Conclusions of a Conference of Ministers, 29 September 1922. *TNA, CAB 23/31*, fol. 128–133.

Curzon to Lord Long of Wraxall, 16 October 1922. *TNA, FO 800/150*, fol. 282–283.

*Documents diplomatiques français*. 1921. T. 2. Bruxelles: P.I.E.-Peter Lang, 2005.

*Documents diplomatiques français*. 1922. T. 2. Bruxelles: P.I.E.-Peter Lang, 2008.

Ferris J. “Far Too Dangerous a Gamble”? British Intelligence and Policy during the Chanak Crisis, September–October 1922. *Diplomacy & Statecraft*. 2003. Vol. 14. No. 2. Pp. 139–184.

- Hankey to Balfour, 19 September 1922. *TNA, CAB 63/32*, fol. 141–142.
- Hankey to Balfour, 24 September 1922. *TNA, CAB 63/32*, fol. 147–151.
- Jeffery K., Sharp A. Lord Curzon and Secret Intelligence. *Intelligence and International Relations, 1900–1945*. Eds. Ch. Andrew, J. Noakes. Exeter: University of Exeter Press, 1987. Pp. 103–126.
- Journal du général Buat, 1914–1923*. Prés. F. Guelton. Paris: Perrin, 2015.
- La Panouse à Paris, 11 novembre 1922. *SHD/DAT*, 7N 2794.
- La Turquie et la France à l'époque d'Atatürk*. Sous la dir. d'I. Mélikoff et al. Paris: ADET, 1981.
- Minutes of a Conference of Ministers, 18 September 1922 (12 Noon). *TNA, CAB 23/39*, fol. 252–261.
- Oliphant to Rumbold, 25 September 1922. *TNA, FO 800/253*, fol. 132.
- Psomiades H.J. Thrace and the Armistice of Mudanya: October 3–11, 1922. *Bulletin of the Centre for Asia Minor Studies*. 1997. Vol. 12. Pp. 213–255.
- Rumbold to Oliphant, 26 September 1922. *TNA, FO 800/253*, fol. 134–135.
- Rumbold to Oliphant, 3 October 1922. *TNA, FO 800/253*, fol. 136–137.
- Rumbold to Oliphant, 13 November 1922. *TNA, FO 800/253*, fol. 154–155.
- Shaw S.J. *From Empire to Republic: The Turkish War of National Liberation 1918–1923. A Documentary Study*. Vol. 4. Ankara: Turkish Historical Society, 2000.
- Suggested Direction to General Harrington, 27 September 1922. *TNA, CAB 63/32*, fol. 158–161.
- Thomas M., Toye R. *Arguing about Empire: Imperial Rhetoric in Britain and France, 1882–1956*. Oxford: Oxford University Press, 2017.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАГАДЕЕВ Искандэр Эдуардович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки факультета международных отношений Московского государственного института (университета) международных отношений, Москва, Россия.

Iskander E. MAGADEEV, PhD (History), Associate Professor of Department of European and American Studies, School of International Relations, Moscow State Institute (University) of International Relations, Moscow, Russia.